

Татьяна КАЩЕНКО

КОМФОРТ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

В статье затрагивается вопрос о необходимости учета психологического фактора в процессе принятия политических решений и об использовании понятия «комфорт» в современной российской политике.

The author considers the problem of necessity to take into account the psychological factor in the process of political decision making and the problem of using the concept «comfort» in the modern Russian policy.

Ключевые слова:

комфорт, система удовлетворенности, потребности и желания личности, психологически ориентированная политика; *comfort, reward system, needs and desires of the individual, psychological policy.*

Психология и политика зависят друг от друга намного больше, чем представлялось раньше. Физиологи и психологи настаивают на наличии у человека особой системы удовлетворенности (*reward system*), связанной с существующими в центральной нервной системе центрами, которые имеют нейрогормональную природу. С раннего детства человек стремится уйти из зоны горя, боли, дискомфорта в зону физического и морального благополучия, комфорта¹. Эти термины в последнее время употребляются с завидной частотой в обыденной жизни, в логистике, в десятках пособий из разряда «Как стать счастливым». Задача данной статьи — показать ареал использования понятия комфорта в современной российской политике.

Если естественные потребности людей не учитываются, люди не принимают и инстинктивно отвергают политические решения. Использование свойств личности в целях, не совпадающих с ее потребностями и желаниями, есть манипулирование. И наоборот, если власть умеет договариваться с индивидами на условиях повышения уровня их удовлетворенности, то получает адекватный ответ со стороны личности на поставленные задачи, будь то задачи стабилизации или мобилизации. В демократическом обществе власть вынуждена учитывать психологические, эмоциональные потребности индивидов и стремится им соответствовать. Отсутствие уважения к личности и ее психологическому комфорту в государственных масштабах приводит к тому, что человек игнорирует призывы властей и не соглашается на выполнение поставленных перед ним задач: управляемость обществом резко снижается.

В западном мире довольно рано пришли к выводу, что ценность индивидуальных свобод и достижений политически выгодна, экономически и социально эффективна. Человек хорошо ориентируется в действительности, активно идет на сотрудничество, если ему предоставляются условия комфортного существования. Разработана более общая социально-экономическая категория качества жизни, характеризующая ее материальную и духовную комфортность. Существует интегральный международный индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

Увы, попытка создать в СССР целостную, пригодную для всех

КАЩЕНКО

Татьяна

Леонидовна —

к.филос.н.,

доцент кафедры

гуманитарных

и социально-

политических наук

МГУТУ

им. К.Г. Разумовского

tanyakashch@mail.ru

¹ Комфорт (англ. — *comfort*) — утешение, поддержка, успокоение, покой, отдых, удобства; от лат. — *confortare*, что означает — укреплять, удержать, давать силу. Комфортный (прил.) — наиболее благоприятный для нормальной жизнедеятельности организма и самочувствия человека, доставляющий приятные ощущения. В переносном смысле — душевный комфорт, отсутствие разлада с собой и окружающим миром. См.: Современный словарь иностранных слов // СПб., 1994.

систему общесоциальных норм и коллективных смыслов («борьба за идеалы коммунизма», «борьба с врагами социалистического государства», «ускорение социально-экономического развития») провалилась. Смысл истории, о котором писал К. Маркс, а именно всестороннее развитие личности человека, был вынесен за рамки видимого будущего и никогда не воспринимался в качестве регулятора самочувствия реальной личности. Более простым и результативным казался путь сознательного упрощения социума. В 30-х гг. прошлого века власть впервые попыталась проложить новую траекторию к коллективному сознанию — через сферу эмоций. На Первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев 17 ноября 1935 г. И. Сталин сказал: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живет, работа спорится... Если бы у нас жилось плохо, неприглядно, невесело, то никакого стахановского движения не было бы у нас»¹. Ирония истории заключается в том, что этот риторический прорыв психологического фактора в политику был осуществлен на фоне усиления тотального террора против собственного населения.

С середины 1960-х гг. власть пыталась говорить с людьми на языке экономики (хозрасчет, прибыль, уровень жизни, благосостояние граждан). В годы перестройки возобладал политический дискурс с терминами демократии, выборов, общественного мнения и т.п.

Сегодня, в связи с задачами модернизации российского общества, ощущается потребность в новых мобилизационных средствах и новых ценностях. Среди них — обращение к ценности комфорта как части присущей индивиду естественной системы удовлетворенности. Этот тренд не только свидетельствует о наметившемся дрейфе политики в область, традиционную для психологии, но и символизирует разрыв с прежними опорными ценностями русской и советской культуры. Комфорт, удобная жизнь у нас всегда ассоциировались с мешанством, «бытовщиной». Эти «низкие» ценности всегда противопоставлялись жизни подлинной, духовной и потому аскетичной (в тради-

ционной и религиозной русской культуре) или жизни, посвященной высшим ценностям классовой борьбы, построения коммунистического общества (в культуре советской).

В течение многих лет политики не задумывались о том, насколько их теории будут «удобными» для живых существ с их требованиями, вкусами, привычками, качествами и недостатками. «Люди — не глина, не однородная масса, которую можно мять и формовать из нее одинакового образца фигурки; и государство — не скопище стандартных существ, лишенных разума и способности мыслить. И как ни обидно это будет для уверенных в своей правоте “вождей”, люди не нуждаются в “гениальных” теориях, ни в самих “гениях”, если ни те, ни другие не считаются с насущными их нуждами и требованиями»².

В 1930-х гг. в США на стыке политической науки и психологии возникла «политическая психология», ориентированная на изучение психологических компонентов политической жизни общества. В постсоветский период политическая психология в ее классическом варианте получает развитие и в нашей стране. Одни исследователи относят ее ближе к политологии (Е.Б. Шестопад, Г.Г. Дилигенский), другие — ближе к области психологии (А.И. Юрьев, Л.Я. Гозман). Однако политическая психология занимается человеком политическим, который уже вовлечен в политическую жизнь. Возникает вопрос, как работать с человеком обыкновенным, который не только не видит смысла в политике, но часто не знает, что это такое. Где соприкасаются маленький человек и большая политика, и как ей вести себя на поле, которое принадлежит этому маленькому человеку?

Возможно, есть смысл говорить сегодня о «психологически ориентированной политике», в которой выработка политических решений осуществляется, в первую очередь, с учетом наличия системы удовлетворенности основных инстинктов человека, естественного стремления к тому, чтобы социальные отношения были удобными, а жизнь — комфортабельной. Известный историк первобытных обществ Б.Ф. Поршнев писал о связях психологии

¹ Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. — М. : Локид, 2004, с. 89.

² Записки князя К.Н. Голицына. — М. : Радуга, 2008, с. 492.

и политики: «...чем дальше, тем больше, человеку недостаточно и различать, чьему слову безоговорочно повиноваться, а чьему нет. Он хочет, чтобы слова ему были понятны не только в своей внушающей что-либо части, но и в мотивационной, т.е. он спрашивает, почему и зачем, и только при выполнении этого условия включает обратно отключенный на время рубильник суггестии [внушения]»¹.

Российское общество сегодня вполне подпадает под данные выводы: оно трудно поддается внушению и далеко от автоматизма послушания. Относительное единообразие, преобладающее в советский период, после крушения системы сменилось разнообразием экономических, политических, идеологических национальных форм. Многие авторы пишут об особом «кризисном менталитете» россиян. Они сегодня более асоциальны и аполитичны, чем жители западных стран. Россияне чувствуют себя уверенно лишь в своем семейном, внутреннем мире, старательно вычерчивая, почти по Гоголю, безопасную для себя «зону комфорта». Социологи известной консалтинговой фирмы «Валидата»² в ходе сравнительного европейского исследования пришли к выводу, что современные россияне, несмотря на годы коллективистской социализации, испытывают отчужденность как от государства, так и от общества в целом. Они верны родным и друзьям — тем, к кому они могут запросто обращаться на «ты» (в отличие от более формального «вы»). Доверие к «чужакам», лежащее в основе западной цивилизации, в России все еще отсутствует. Понятия демократии, многопартийных выборов, личной свободы, укрепления гражданских прав и частной собственности не занимают важного места в российском менталитете. Зато россияне все чаще понимают, что в некомфортной среде жить невозможно.

Власть постоянно находится в поиске формулы, способной обеспечить стабильность общественной системы и благополучие граждан. Сегодня мы видим сигналы, свидетельствующие о продвижении новых ценностей. Впервые это прозвучало в Послании Президента

В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 26 мая 2004 г.: «Наши цели абсолютно ясны. Это — высокий уровень жизни в стране, жизни — безопасной, свободной и комфортной». Аналогичная политическая формулировка прозвучала в речи Д.А. Медведева на церемонии вступления в должность президента 7 мая 2008 г. Он говорил, что Россия имеет шанс стать одной из лучших стран мира, «лучшей — для комфортной, уверенной и безопасной жизни наших людей»³.

В серии предвыборных статей (зима 2012 г.) В.В. Путин вновь неоднократно обращается к этой теме. Задачи национальной политики требуют, «чтобы люди в своих родных местах, на своей малой родине могли чувствовать себя нормально и комфортно». Модель государства должна быть «абсолютно равно привлекательна и гармонична для всех, кто считает Россию своей Родиной». В статье, посвященной демократии, подчеркивается, что эффективность и жизнеспособность государственных институтов «будет выражаться для каждого гражданина России в комфорте и удобстве получения государственных услуг»⁴.

Понятие комфорта — это чувственное отражение внешних условий, способствующих благоприятному, спокойному, гармоничному течению личного бытия. Понятием комфорта охватывается поэтому целый комплекс всеобщих ценностей: справедливость, безопасность, высокие стандарты уровня жизни, образования и культуры, гражданский патриотизм и др. Оно, с одной стороны, индивидуально, с другой — идет от коллективного бессознательного. Разница между внешними условиями и индивидуальным ощущением комфорта — это как разница между яркими упаковками кофе в витрине магазина и чашечкой кофе, которую ты выпил сам. Комфорт (ценность и индикатор жизни) вполне может стать одной из скреп общественного порядка (по выражению В.И. Ключевского). Более того, он может стать частью российской идеологии XXI в. наравне с уже известными показателями — удовлетворенностью жизнью, законно-

³ archive/kremlin/ru

¹ Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история (Мозг и общество) // <http://psyfactor.org/lib>

² Pipes R. Foreign Affairs, USA. По материалам сайта ИноСМИ.Ru

⁴ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 23.01.2012; Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ, 06.02.2012.

стью, доверием, сотрудничеством, ориентацией на диалог и т.п.¹

Создание эмоционально воспринимаемого образа комфортной жизни, «удобного» общества, несомненно, свидетельствует об изменении его традиционного образа — экономикоцентристского. Оказывается, что общественные отношения, если не рассматривать их в стереотипах базиса и надстройки, могут быть удобными или неудобными, «скроенными по фигуре» или «стеснять движения». Они могут обеспечивать индивидуальную зону комфорта или уводить из нее и таким образом либо помогать реализации способностей и желаний человека, либо автоматически захватывать его в механические лопасти большой политики.

На пути продвижения новой системы ценностей стоит ряд ограничений. Возникает, в частности, вопрос, не есть ли это новая форма вмешательства государства в личную жизнь человека? Не есть ли это разрушение традиционной

русской системы ценностей, в которой материальные блага, удобства всегда считались неправильными целями по сравнению с высшими духовными мотивами? Подобную озабоченность высказывает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Сегодня грех становится нормой, поскольку в обществе потребления нет почвы для понятия “нравственность”. Есть только понятие “комфорт”»².

Однако главная проблема заключается в том, что от повторения красивых слов «комфорт», «привлекательное, богатое, свободное общество» жизнь привлекательнее и богаче не станет. Необходима хорошая экономика, реализация комплекса разнообразных мер. В то же время сдвиг приоритетов, хотя бы риторическая попытка сопряжения властных решений с естественной тягой человека к положительным эмоциям зоны комфорта вполне могут способствовать продвижению задач модернизации.

¹ Кузнецов В.Н. Российская идеология XXI века в обеспечении эффективности и безопасности динамично-устойчивого развития России // Будущее и настоящее России в зеркале синергетики / под ред. Г.Г. Малинецкого. — М., 2011.

² Патриарх Кирилл. Грех становится нормой. Выступление на съезде лидеров мировых и традиционных религий. Астана, 31 мая 2012 г. // [www/pravoslavie.ru](http://www.pravoslavie.ru)